

Цао Е было так скучно, что он начал дремать. Два часа назад он выскочил из такси в приподнятом настроении, однако «легендарный бар», о котором с таким жаром рассказывал Линь Янь, оказался обычным гей-баром, хоть и тайным. Линь Янь усадил его на диван из натуральной кожи, принёс два подноса с фруктами и стакан апельсинового сока. После этого он и думать забыл о Цао Е, отдав всё своё внимание, чтобы не сказать вожделение, изящной андрогинной особе.

Цао Е не мог понять, парень это или девушка. Для парня этот человек был слишком нежным: тонкие руки и ноги, аккуратный макияж в стиле *smokey eyes*, равнодушный взгляд. Но раз они были в гей-баре, значит, это мужчина, верно? Цао Е задумался. Действительно ли это был парень? Он не мог решить и был настолько заинтригован, что постоянно оборачивался, чтобы посмотреть на этого человека.

Линь Янь тем временем обнимал человека за шею, прижимал к дивану и жарко целовал, совершенно не заботясь о том, что они тут были не одни... Цао Е даже не мог смотреть на это. Дальше хуже: пока Цао Е ел фрукты, уже несколько человек подошли к нему с предложением угостить выпивкой. Цао Е подозревал, что для очень многих в этом баре превратился в желанную добычу, едва переступив порог. Он был очень высоким, а занятия спортом сделали сильным разворот его плеч. Контуры мышц проступали сквозь рубашку и было невозможно поверить, что ему всего пятнадцать. Понять, что это подросток, можно было только как следует всмотревшись в энергичное и слишком юное лицо. Молодой привлекательный парень с флёрком юношеской неопытности, неторопливо поедающий фрукты в укромном уголке, в обстановке гей-бара стал весьма притягательным декоративным элементом — светильником, к которому без конца летели мотыльки.

— Не хочешь выпить?

— Сколько тебе лет?

— Почему ты сидишь здесь один? Поболтаем?

— Ты здесь один?

Через два часа эти и сотня других похожих фраз до мозолей натёрли уши Цао. Он чувствовал себя не в своей тарелке. Подняв голову, чтобы осмотреться, он понял, что на него неотрывно пялятся человек шесть. Когда он подумал о том, что эти люди планируют воспользоваться его

передом или задом, он с трудом заставил себя усидеть на месте. У него самого возникло лишь одно желание: повесить на себя табличку с надписью «Не трогать», чтобы никто больше не покушался на его личное пространство со слишком громкими мыслями о его передней и задней частях.

Цао Е больше не мог этого выносить. Вклинясь между страстными поцелуями Линь Яня и его мальчика, Цао Е хлопнул друга по плечу. Тот, не выпуская из объятий предмет обожания, посмотрел на него. Перекрикивая музыку, Цао Е наклонился к уху Линь Яня и спросил:

— Мы ещё долго здесь будем?

Линь Янь сидел рядом с колонками, музыка здесь была особенно оглушительной. Цао Е стоял рядом пару минут и чувствовал, что его барабанные перепонки вот-вот лопнут. В глубине души он признал удивительным Линь Яня, который за два часа здесь не оглох. Но Линь Янь, похоже, был не так уж далёк от того, чтобы потерять слух. Он крикнул ему в ответ:

— А? Что ты сказал?

Цао Е не мог понять, оглох он или нет, поэтому достал телефон, набрал: «Ты что, не можешь целоваться дома?» и показал Линь Яню, который, прочитав, расхохотался, отпустил парня и встал. Он обнял Цао Е за плечи, жестом показав своему парню: «Отойду на пару минут», и вместе с Цао Е последовал к кожаному дивану. Вероятно, из-за перепада децибелов Цао Е, снова сев на диван, ощутил неожиданное спокойствие, будто разом освободился от всех человеческих страстей. Линь Янь откинулся на мягкую спинку дивана и с улыбкой спросил Цао Е:

— Что случилось? Завидуешь?

Цао Е подумал, что у Линь Яня не только проблемы со слухом, но и со зрением: не говоря о том, что он совершенно не интересуется людьми своего пола, какая часть парня в руках Линь Яня могла бы теоретически вызвать зависть? Он тоже откинулся на спинку дивана, согнул свои длинные ноги, уперся в колени и с насмешкой сказал:

— Забудь.

Линь Янь не унимался. Он придвинулся к Цао Е:

— Знаю, что мужчины тебе не интересны, но ведь даже на взгляд маленького натурала вроде тебя — он красивый?

— Кого это ты назвал маленьким?! — Цао Е взглянул в сторону того парня, который в тот момент смотрел на выступление музыкантов. Его профиль по какой-то необъяснимой причине напомнил профиль Лян Сычжэ, стоявшего в узком переулке, с волосами, собранными в хвост. Мозг Цао Е с фотографической точностью воспроизвёл момент, когда Лян Сычжэ чуть запрокинул голову, изучая выдавшие виды витрины. В его голове возникли четыре слова: «Даже близко не сравнится», но вслух он тактично протянул:

— Нууу... так себе.

Линь Янь гордился своим вкусом и, услышав безразличный тон Цао Е, презрительно заметил:

— Не стоило тебя спрашивать. Что ты понимаешь, малыш, у тебя ещё даже волосы на лобке не выросли.

В душе Цао Е поднялась буря: он терпеть не мог, когда кто-то указывал на его возраст. Линь Янь старше его всего на три года, почему он ведёт себя так, будто уже повидал всё на свете?

— Это неудачный пример, — Цао Е притворился ещё более искушённым, чем Линь Янь. — У меня есть друг намного красивее этого, не говоря уже о том, что его обаяние на порядок выше.

Линь Янь завёл любовника недавно и очень его баловал, поэтому ответил с недоверием:

— Откуда у тебя в друзьях взялось божество, о котором я не знаю? — он был уверен, что Цао Е просто рассказывает небылицы, чтобы его удивить, ведь они обычно крутились в одном кругу, и Линь Янь знал почти всех друзей Цао Е.

Цао Е, который потому и злился, что в душе всё ещё был ребёнком, видя его недоверие, достал телефон, открыл список контактов и показал на имя Лян Сычжэ, коснувшись его большим пальцем:

— Вот он, знаешь его?

Линь Янь выхватил телефон из его рук, поднёс к лицу и прочитал:

— Лян Сы цзи цзи... [1]

[1] то, как Линь Янь прочитал:

吉 (jí) — счастье, удача, счастливый, удачливый, празднество (особенно: свадьба), свадебный, брачный, праздничный.

А это иероглиф, который используется в фамилии Лян Сычжэ:

智 или 智 (zhì) мудрый, прозорливый, проницательный, глубокий, совершенный, мудрец.

Линь Янь прочитал его, разбив на два иероглифа «цзи-цзи».

Цао Е разразился громким смехом:

— Этот иероглиф читается как «чжэ»! Как ты можешь быть таким неграмотным? — и тут же использовал против Линь Яня его же шпильку: — Ты же на три года старше меня, не стыдно?

Линь Янь, не обращая на него внимания, уже набирал номер.

— Алло, это Лян Сычжэ, верно?

— Чёрт! — Цао Е набросился на него, чтобы выхватить телефон. — Отдай мне его!

Линь Янь коварно улёгся на бок, зажав телефон между лицом и диваном, не оставив Цао Е шансов его достать, и спокойно сказал:

— Можешь прийти в бар «Юньгуан» на улице Цюймин, 144?

На том конце Лян Сычжэ, должно быть, спросил: «Что случилось?», потому что Линь Янь озорно сказал:

— Цао Е ждёт, когда ты принесёшь ему подушку, поторопись... [2]

[2] 占座 (jiànzhě) предложить подушку [и циновку] — также обр. в знач.: изъяслять готовность разделить ложе с женщиной, быть его любовницей.

Не успел он договорить, как рука Цао Е вклинулась в пространство между лицом Линь Яня и диваном и тут же выхватила телефон. У Цао Е не было времени на разборки с Линь Янем. Он хотел всё объяснить Лян Сычжэ, но поднеся телефона к уху, услышал холодное: «Отвали» — и звонок прервался. Цао Е перезвонил, но Лян Сычжэ уже отключил телефон. Линь Янь злорадно усмехнулся ему в лицо:

— О нет, о нет, маленькая красавица теперь злится.

— Да пошёл ты, маленькая красавица! — нетерпеливо сказал Цао Е. Он снова набрал Лян Сычжэ, но телефон был по-прежнему выключен.

— Чёрт, он действительно выключен, — Цао Е швырнул телефон в Линь Яня. — Ты меня подставил.

Линь Янь увернулся, затем поднял упавший на диван телефон, и тоже попытался дозвониться. Посмотрев на Цао Е, он лениво усмехнулся:

— Ну и ладно, что с того? Разве ты не говорил, что не интересуешься парнями?

— Мой отец нашёл его, чтобы он присматривал за мной! — Цао Е тяжело опустился на диван и сказал с досадой: — Я только с ним договорился, а ты всё испортил.

— Что-что? — Линь Янь ничего не понял и пошутил: — Твой отец настолько заморачивается, что даже нашёл кого-то, чтобы следить за тобой? Ты настолько важная персона?

— Он не няньку мне искал, он нашёл актёра и поручил ему присмотреть за мной, пока тот здесь.

— О... Твой отец опять откопал самородок, а? — Линь Янь был полон любопытства: — Новичок действительно так хорош? Лучше, чем Чжан Минхань?

Чжан Минхань был актёром, которого Цао Сююань привёл к славе. Он был примерно в том же возрасте, что и Лян Сычжэ, когда стал знаменитым. Сначала Линь Янь не поверил, что друг Цао Е был красивее его новой зазнобы, но теперь был убеждён, что Цао Е не врёт. Способность Цао Сююаня выбирать людей славилась на всю страну. Тот, кого он выбрал на роль, должен быть как минимум на одном уровне с Чжан Минханем, верно? Кто бы мог подумать, что Цао Е

без стеснения заявит:

— Он гораздо красивее, чем Чжан Минхань.

— Где твой отец вас поселил? — Линь Янь выпрямился, встал и уже совсем серьезно предложил: — Может, давай я отвезу тебя туда, и ты его позовёшь, чтобы я извинился?

Цао Е разгадав замысел Линь Яня, сказал:

— Брось, он не в твоём вкусе.

— Я не против такого, как Чжан Минхань!

— Он совсем не похож на Чжан Минханя.

— Тогда на кого он похож?

— Я не могу его описать.

Линь Янь разочарованно сказал:

— Эй! Где твоё красноречие? Ты только что так красиво меня критиковал.

Цао Е не хотел продолжать этот разговор. Обсуждать с другим парнем, красив ли Лян Сычжэ, было странно. Он вернул разговор в нужное русло, заявив с достоинством:

— Так или иначе, ты разрушил моё прикрытие. Тебе придётся нести полную ответственность за мою еду, одежду, кров и транспорт в ближайшие несколько дней.

— Хорошо, — Линь Янь не стал отказываться, но и не забыл раскрыть карты Цао Е: — Ты говоришь так, будто если бы я не испортил всё, ты бы не заставил меня брать на себя ответственность за эти дни. Разве ты уже не собирался это сделать?!

Цао Е усмехнулся.

— Янь-гэ, может быть, иероглифов ты знаешь не слишком много, но проницательность всё равно хороша.

— Да иди ты! — отмахнулся Линь Янь.

Семьи Линь и Цао дружили уже более двух поколений — их деды до сих пор часто собирались вместе, чтобы выпить чаю и сыграть в шахматы. Линь Янь и Цао Е были друзьями с детства. Линь Янь был старше Цао Е на три года и всегда воспринимал его как младшего брата. Если Цао Е попадал в беду, Линь Янь всегда помогал ему. Цао Е был самым младшим в кругу их друзей, но и самым популярным. У любого бы нашлась пара человек, с которыми отношения не ладятся, но не у Цао Е. Он умел со всеми найти общий язык и дружил со всеми.

Линь Янь считал, что в этом нет ничего удивительного: Цао Е рос у всех на глазах, каждое лето он приезжал сюда погостить и в детстве был красив, как кукла. Тогда все любили играть с ним. Прошли годы, мальчик повзрослел и стал юношей, но был всё так же верен и добр к друзьям, щедр и снисходителен к насмешкам. Никто не мог найти в нём ни одного недостатка. Этот ребёнок был очарователен и привлекателен с самого детства.

В ту ночь Цао Е остался в доме Линь Яня, заняв отдельную комнату. Уходя из бара, он был немного встревожен: не устроит ли Цао Сююань внезапный ночной визит? Но стоя на пороге шикарной спальни, которую подготовила для него няня семьи Линь, он успокоился и, упав на кровать, подумал: «У Цао Сююаня нет на это времени, даже если он и свободен. Дядя Инь предупредит меня о любом его визите заранее. У меня есть свой агент на страже, так что беспокоиться не о чем». Веселись, пока есть возможность [3], а пока надо быстро привести себя в порядок и лечь спать!

[3] 今朝有酒今朝醉 (jīnzhāo yǒujiǔ jīnzhāozuì) коль на сегодня есть вино, сегодня же и пью допьяна (обр. в знач.: жить, пока живётся; веселиться, пока есть возможность).

<http://bllate.org/book/12811/1130220>